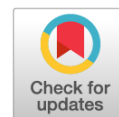

УДК 340

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS627886>

О неотвратимости наказания за уголовное преступление (попытка этического осмысления проблемы)

А.Д. Керимов

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Автор высказывает и обосновывает свое критическое отношение к тезису И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова и Х.Д. Аликоперова, сформулированному ими в статье «Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему» (Государство и право. 2023, № 9, с. 112–125. DOI: 10.31857/S102694520027657-3), согласно которому виновный всегда неизбежно несет прижизненное наказание за совершенное им преступление. Вместе с тем автор высоко оценивает названную статью в целом, содержащиеся в ней другие положения и выводы и призывает коллег-юристов к их широкому обсуждению.

Ключевые слова: наука; междисциплинарный подход; вина; творческие усилия; преступление; наказание; добро; зло; возмездие; совесть.

Как цитировать

Керимов А.Д. О неотвратимости наказания за уголовное преступление (попытка этического осмысления проблемы) // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 1. С. 7–13. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS627886>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS627886>

Revisiting the Inevitability of Punishment for Criminal Offense: An Ethical Understanding of the Problem

Alexander D. Kerimov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The author presents a critical examination and justification for his dissenting stance toward the thesis proposed by I.M. Ragi-mov, A.N. Savenkov, and H.D. Alikperov in their article titled “Etiology of Individual Criminal Behavior: A Different Perspective” (*State and Law*, 2023;(9):112–125. DOI: 10.31857/S102694520027657-3). This thesis posits that the perpetrator inevitably faces a lifetime of punishment for the crime committed. However, while the author acknowledges the value of the aforementioned article in its entirety, along with its other propositions and conclusions, he calls on fellow legal scholars to engage in a wide-ranging discourse on these matters.

Keywords: science; interdisciplinary approach; guilt; creative efforts; crime; punishment; good; evil; retribution; conscience.

To cite this article

Kerimov AD. Revisiting the inevitability of punishment for criminal offense: an ethical understanding of the problem. *Russian journal of legal studies*. 2024;11(1):7–13. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS627886>

Received: 21.01.2024

Accepted: 28.02.2024

Published: 30.03.2024

Философские проблемы права издавна занимают умы ученых. Следует отметить, что в последние годы в нашей стране появилось немало интересных и ярких работ, в которых рассматриваются важнейшие вопросы философии отдельных отраслей права, в частности уголовного [1–4]. Это, безусловно, воодушевляет, подвигает к дальнейшей интенсивной деятельности по осмыслению, творческому всестороннему освоению базисных, фундаментальных основ правовой действительности.

Однако, как ни прискорбно, очевидно, что очень многим моим коллегам — обществоведам и гуманитариям: историкам, философам, культурологам, психологам, политологам, специалистам иного профиля, — изыскания (равно выступления и рассуждения) юристов зачастую представляются невыносимо скучными, тягуче однообразными, чрезмерно сухими, притом переполненными разными казуистическими тонкостями и софизмами. Более того, они кажутся им еще и недостаточно глубокими, крайне поверхностными.

Не скрою, для меня такое восприятие весьма обидно, ибо лично я значительный период своей жизни посвятил изучению реалий права и государства и уже давно, отчасти осознанно, отчасти непроизвольно, приобрел, полагаю, полезную и вообще хорошую привычку с пристальным вниманием и искренним уважением относиться к данной сфере научного творчества и к людям в ней работающим. Посему могу ответственно свидетельствовать: некоторые из исследователей правовой материи, в том числе и мои современники, достигли высочайших вершин в этом благородном и трудном деле.

Между тем вынужден признать, что подобное, описанное выше негативное впечатление, складывающееся у многих ученых иных отраслей знания от публикаций нынешних легистов, в существенной степени оправдано, поскольку подавляющее большинство из них, (иногда намеренно, чаще, конечно же, невольно) искусственно ограничивает свое видение социального бытия, затуманенно взирая на мир исключительно через, условно говоря, «юридические очки»¹. В результате его мысленный образ оказывается неполным и неточным, предстает в искаженном свете, в облике удручающе деформированном; его идея непоправимо утрачивает свою естественную органическую целостность.

Оценивая с этих позиций, т. е. с позиций взыскательного, даже придирчивого читателя статью И.М. Рагимова,

¹ Это видение, уместно напомнить, и без того сильно ограничено: Homo sapiens в принципе не в состоянии ни чувственно воспринять, ни рационально объяснить бытие во всем его неисчерпаемом богатстве, всей его сложности и многоликости. Такое положение вещей обусловлено, с одной стороны, бесконечностью вселенной, а следовательно, и процесса познания, с другой — ограниченностью самого человеческого разума, который сам по себе на каждом новом этапе развития науки неизменно ставит пределы на пути извечного, ни на секунду не останавливающегося интеллектуально-творческого освоения действительности. Воодушевляет то, что усилиями воли лучших представителей последовательно сменяющихся поколений эти пределы постоянно и неуклонно раздвигаются.

А.Н. Савенкова, Х.Д. Аликперова «Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему» [1, с. 112–125], о которой, собственно, и идет речь в представленном мною эссе, можно с уверенностью заявить, что она явно выделяется среди других публикаций по сходной тематике. Она получилась насыщенной и интересной, а главное — фундаментальной.

I.

Прежде всего позволю себе назвать и кратко прокомментировать ее достоинства.

1. Мне и раньше доводилось высказываться относительно критериев научности. Их — несколько. В данном случае поименую только два, пожалуй, наиболее важные из них. Думается, во-первых, что настоящая, истинная наука начинается там и тогда, где и когда индивиду, заслуженно претендующему на высокое звание ученого, удастся возвыситься до теоретического, желательного, философского уровня осмысления сложных, общезначимых проблем бытия и тревожных, суровых вызовов времени, предложив при этом адекватные решения и ответы. Во-вторых, научная деятельность может считаться таковой, если в ходе ее и по ее итогам перманентно генерируются новые, передовые, оригинальные и дерзновенные идеи. Лауреат нобелевской премии по физике (1918), член Прусской академии наук (1894) М.К. Планк (1858–1947) безусловно прав, отмечая: «Лишь идеи делают экспериментатора — физиком, хронолога — историком, исследователя рукописей — филологом» [5, с. 593]. Именно они — плодотворные, перспективные идеи — позволяют нам осваивать вселенную; на их основе возможно позитивное преобразование, улучшение, гуманизация грядущего жизнеустройства.

После скрупулезного изучения статьи И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова и Х.Д. Аликперова у меня не возникло никаких сомнений в том, что она в полной мере соответствует изложенным критериям. Очевидно, что перед нами добротное научное исследование.

2. Оно к тому же проведено на стыке ряда дисциплин: как минимум философии, психологии, социологии, уголовного права и криминологии и др. А это, с точки зрения обеспечения оптимальной результативности, предельной эффективности познавательного процесса, чрезвычайно ценно. Ведь мир — един. Лишь в нашем обыденном, убого-утилитарном восприятии он безнадёжно фрагментарен. Так, вычленив отдельные его компоненты, концентрируясь на деталях и частностях, нам гораздо легче, удобнее его понимать. Но в реальности он не такой. На самом деле он целостен, взаимосвязан и взаимозависим, принципиально неразделим. Любое его абстрактное, умозрительное деление, дробление на составляющие части, крупные или малые, есть не более чем вынужденная, посему досадная и в чем-то, по сути своей, неестественная условность (хотя и бесспорно необходимая для осуществления анализа

и последующего синтеза). Интеллектуальное постижение космоса, субстанциальности всех социальных и природных предметов и процессов объективно предполагает максимальную всесторонность и многогранность. Именно поэтому я всегда и всюду ратую за широкое использование междисциплинарного подхода.

Я совершенно уверен в том, что четко и ясно сформулировать по-настоящему стоящие, яркие и смелые идеи, выдвинуть стройные, внутренне сбалансированные, фундаментального уровня и порядка теоретические конструкции, воодушевляющие и увлекающие людей, предложить концептуально оформленные, новаторские, провоцирующие острые, оживленные дискуссии гипотезы как в области общественно-гуманитарной, так и в сфере технико-технологической и естествознания невероятно трудно. Авторам рассматриваемой статьи это в значительной степени удалось. И в первую очередь, по-видимому, потому, что они изначально очень резонно вознамерились, сразу же вполне обоснованно задались целью работать непременно на стыке нескольких наук.

Они отнюдь не пытались, как это до сих пор, к сожалению, делают многие, с ожесточением слепого и явно неуместного здесь фанатизма во что бы то ни стало сохранить и защитить неверно истолкованную чистоту своей дисциплины (криминологии), не стремились оградить ее от какого-либо вторжения извне. Напротив, они упорно расширяли диапазон своих изысканий, своих творческих усилий посредством масштабного и активного привлечения инструментов, приемов и способов, применяемых и используемых в других отраслях научной деятельности, а также полученных и аккумулированных в них достижений, результатов и выводов исследований.

3. Надо подчеркнуть, что представленную публикацию попросту интересно читать. Она подвигает к раздумьям долгим и неторопливым, притом серьезным и сосредоточенным; она побуждает к размышлениям спокойным и неспешным, но вместе с тем тщательным и напряженным. К размышлениям по конкретно юридическим, но, главное, по абстрактным, философско-правовым вопросам мировоззренческого характера, что, на мой взгляд, особенно ценно и лично для меня весьма привлекательно.

Работа написана профессионально, квалифицированно, как говорится, со знанием дела. Ощущается глубокое проникновение авторов в самую суть анализируемых проблем. Это не удивительно, учитывая то обстоятельство, что каждый из них в течение нескольких десятков лет трудился на ниве юриспруденции, как в практической плоскости, так и в плане теоретическом: ключевые этапы их жизненного пути хорошо известны.

Наконец, обращает на себя внимание чистый, свободный слог, академическая и убедительная манера изложения, явственно выдающая умение правильно, ярко и четко выражать свои мысли, что в последние годы, увы, становится редкостью.

II.

Теперь, согласно логике повествования, мне следовало бы перейти к недостаткам изучаемой статьи. Однако я предпочел бы посвятить вторую часть своего очерка не изобличению ее несомненно имеющихся мелких изъянов и огрехов, а рассмотрению лишь одного единственного, но чрезвычайно важного пассажа, вызвавшего у меня замешательство, неподдельный скептицизм и, соответственно, соображения критического характера.

Этот фрагмент является таковым, т. е. исключительно значимым, прежде всего, потому, что в нем речь идет о позиции классика русской и мировой литературы Ф.М. Достоевского (1821–1881), чье влияние на развитие философии в планетарном масштабе поистине огромно. Позволю себе привести данный отрывок. «Сегодня, как и несколько веков назад, в уголовном праве и уголовном процессе утверждается, что наказание за совершенное преступление всегда и везде назначается судом на основе обвинительного приговора, в котором определяется как его вид, так и сроки (размеры). Между тем этот постулат был опровергнут еще в 1866 г. Ф.М. Достоевским в его бестселлере „Преступление и наказание“, в котором он показал, что эту карательную функцию выполняет не только и не всегда суд. В частности, в своем знаменитом романе писатель более чем убедительно показывает, что в социуме не существует преступления без наказания, так как кара *de facto* настигает виновного и при его уклонении от правосудия, и при латентных преступлениях, и при неустановлении лица, совершившего преступление, и т. д.

Но это — кара особого свойства, ее нет ни в одном уголовном кодексе. Но она реально существует и применяется не на основе вердикта суда, а налагается на виновного его внутренним „Я“ («синдром Раскольникова»). Иными словами, неминуемость кары за совершенное зло — не только прерогатива суда, но и имманентное свойство повседневного бытия социальной среды, как, впрочем, и промысл Всевышнего, как это утверждает богословы» [1, с. 115].

Оставлю в стороне достаточно вольное, не вполне корректное, я бы сказал, ограничительное толкование смысла² гениального произведения Фёдора Михайловича [6]. Ведь в контексте рассуждений моих коллег это не столь уж важно. К тому же они и не преследовали цель прокомментировать содержание замечательного сочинения.

Принципиально другое. Возникает предельно конкретный и вместе с тем, по сути, экзистенциальный вопрос. Правы ли они (по-своему интерпретируя Ф.М. Достоевского, ссылаясь на его непререкаемый авторитет и безусловно соглашаясь с ним, скорее даже не с ним, а с собственной аргументацией воззрений писателя), когда настаивают на том, что в любом сообществе за преступным деянием неизбежно следует расплата,

² Точнее — смыслов, ибо его труд поразительно многогранен и много слоен, затрагивает духовные субстанции разных уровней и порядков.

возмездие неотвратимо настигает согрешившего не после кончины, а обязательно в продолжение отведенной ему земной жизни, а наше, человеческое бытие во все время на устроено так, что злодей, конечно же, оказывается наказан если не соотечественниками или соплеменниками, то, по их выражению, внутренним «Я», т. е., насколько я понимаю, своей совестью?

Да, страдания, которые испытывают люди, терзаемые угрызениями совести, тягостными душевными переживаниями, нестерпимыми муками по поводу ранее содеянного, и вправду бывают ужасны, порою безмерны. Недаром Л.Н. Толстой (1828–1910) в своей великой историософской эпопее «Война и мир» вложил в уста князя Андрея Болконского изречение, сделавшееся сразу же широко известным. Напомню, полемизируя с Пьером Безуховым, князь безапелляционно заявил: «*Je ne connais dans la vie que maux bien réels: c'est le remord et la maladie. Il n'est de bien que l'absence de ces maux*»³. На долю смертных, разумеется, выпадают и другие жгучие горести, горькие беды. Но названные, пожалуй, одни из наихудших, самых страшных.

Вернемся, однако, к поставленному выше вопросу. Я все же полагаю, что мои коллеги здесь заблуждаются: они скорее выдают желаемое за реальность, нежели объективно, неиллюзорно и беспристрастно оценивают настоящее, подлинное состояние страждущих душ. В душах этих беспрестанно идет драматическое, яростное, невидимое праздному взгляду сражение добра со злом, света с тьмой, праведности с порочностью и т. п. Всплывает в памяти фраза из последнего романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», произнесенная Дмитрием Фёдоровичем в разговоре с Алексеем Фёдоровичем: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей» [8, с. 113]. И в этой извечной, бескомпромиссной схватке зачастую побеждают темные, демонические силы. Отсюда огромное количество негодяев всевозможных типов и мастей, несметное число потрясающих крайней жестокостью, садистской изощренностью, неумной жадностью, откровенным цинизмом преступлений, в которых каким-то невероятным образом проявляются практически все или почти все низменные, омерзительные свойства, черты человеческой натуры⁴.

³ «Я знаю в жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол» [7, с. 110].

⁴ Мне кажется интересным, важным и, к сожалению, по-настоящему пугающим пессимистическое наблюдение профессора А.И. Александрова, согласно которому скрупулезное и вдумчивое изучение многотысячелетней общественной истории неуклонно приводит к осознанию того ужасного факта, что ее с полным на то основанием правомерно рассматривать в том числе и как историю permanently совершаемых, бесконечно воспроизводящихся давно известных и постоянно возникающих все новых и новых видов преступлений. «В борьбе добра со злом, — уже оптимистично продолжает далее исследователь, — складывается нелогичная внешне ситуация: зло всегда сильнее, организованнее, сосредоточеннее, хитрее, а иногда умнее, но в итоге оно уступает добру. Может быть, не сразу, но в исторической перспективе добро стабильно побеждает» [3, с. 9]. Выраженная в данной цитате однозначно жизнеутверждающая позиция небесспорна, но в нее хочется верить, она придает силы, воодушевляет, вселяет надежду. И в этом ее несомненная ценность.

Но дело не только в этом. Помимо людей плохих, злых, испорченных, во все эпохи и у всех этносов, при любых социально-экономических формациях и в любых цивилизациях в изобилии были, есть и, похоже, до скончания веков будут и такие, для которых проблема морального выбора вообще никогда не встает. Для подобных персонажей ее не существует в принципе. Это объясняется тем заурядным обстоятельством, что у них банально нет совести или в лучшем случае она находится в рудиментарном состоянии. Они в определенном смысле духовно неполноценны, безнадежно ущербны. В них почему-то отсутствует столь необходимая, вроде бы органическая, неотъемлемая часть собственно человеческого.

Если бы все и всегда глубоко, искренне и деятельно раскаивались в своих былых неблаговидных проступках и непростительных преступлениях и тем самым несли за них тяжкое, но заслуженное бремя наказания, более того прилагали бы усилия к тому, чтобы исправить ситуацию, избавить социум от негативных последствий своих прошлых провинностей и прегрешений, то мы продвигались бы по пути созидания нравственного, справедливого общества и государства феноменально успешно и стремительно. Но этого мы, к сожалению, не наблюдаем. Не имеющим совести не дано мучиться от ее угрызений и, соответственно, раскаиваться.

Уместно, как мне представляется, привести здесь умозаключения видного философа Л.И. Шестова (1866–1938) из его книги «*Potestas clavium. Власть ключей*» [9, с. 129–131]. Рассуждая о творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, он фокусирует внимание читателя на том, что оба писателя (замечу, и очень многие интеллектуалы — литераторы, ученые России и Европы того времени) не единожды предавались напряженным и продолжительным раздумьям о Наполеоне I Бонапарте (1769–1821), о его мыслях и поступках, победах и поражениях, о существовании его личности. Они непременно хотели понять, почему Наполеон, безбоязненно и добровольно возложив на себя тягчайшую, казалось бы, невыносимую ответственность за несчастья и страдания, обрушившиеся в результате его деяний на миллионы сограждан и подданных других государств, ее как будто бы не чувствовал, абсолютно не мучился угрызениями совести.

Постичь это и впрямь нелегко, особенно если по примеру двух величайших русских моралистов не обинуясь полагать, что все сыны Адама в основном устроены одинаково. С точки зрения Л.И. Шестова, и Федор Михайлович, и Лев Николаевич считали, что коль скоро их самих на всем их жизненном пути совесть ни на минуту не оставляла в покое, то она тем более должна была ни на миг не утихая, неимоверно сильно терзать и Наполеона. Однако этого, как видно, не происходило, что обусловлено тривиальным фактом: люди, по мнению философа, устроены вовсе не одинаково, и совесть имеется далеко не у всех, а посему для Наполеона и проблема ответственности не возникала в принципе.

Талантливый французский политик и полководец, пишет далее Л.И. Шестов, действовал, если угодно, «согласно природе», совсем как того настоятельно требовали стоики. В связи с этим ученый напоминает рассказанную Е. Пугачёвым в повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкина (1799–1837) притчу про орла и ворона: орел, питаясь свежим мясом, разрывая еще дышащих животных, живет тридцать лет, а ворон, поедая падаль — триста. И им никогда не сойтись, не столкнуться, ни за что не понять друг друга [10, с. 314]. По точному замечанию Л.И. Шестова, человеку, верящему, что «ответственность есть сознание нравственного начала, живущее в сердце каждого, не дано „понять“ Наполеона, который хотя и знал это слово, но либо не понимал его, либо понимал так, что оно, в представлении, скажем, Достоевского, больше бы выражалось совсем иным словом, примерно „безответственностью“» [9, с. 130].

С учетом изложенного, утверждение моих коллег о неотвратимости прижизненной расплаты индивида за грехи и преступления кажется мне слишком категоричным. Практика с отрезвляющей холодностью, неумолимо и красноречиво свидетельствует о том, что в реальности (и этого не могут не видеть авторы рассматриваемой мною статьи) зачастую все происходит по-другому, по сути, противоположным образом. Злодеи нередко не несут вообще никакого наказания, а их жертвы остаются навек незаслуженно неотомщенными. Если вина законоотступника не очевидна и не доказана, он не изобличен, не схвачен и не арестован

по приговору суда, а совесть у него полностью отсутствует, т. е. если в итоге он не страдает ни в каком смысле, ни в физическом, ни в морально-психологическом, то тогда какие же в самом деле имеются основания считать, что в будущем его непременно настигнет кара? Где здесь место для ее предполагаемой неминуемости и в чем, собственно, она должна состоять? Может быть, провозглашаемой неизбежности попросту нет, по крайней мере на этом свете? Не существует ли благородная, но, на мой взгляд, все же несколько наивная идея всегдашней неотвратимости наказания преступника именно на бренной земле, а не в Царстве потусторонних сил (напомню, неминуемость кары за совершенное зло, по мнению И.М. Рагимова, А.Н. Савенкова и Х.Д. Алиперова, есть в том числе «имманентное свойство повседневного бытия социальной среды» [1, с. 115]) лишь в отвлечении, лишь в воспаленном сознании, присущем, как правило, провозвестникам всех времен и народов грядущего, конечно, обязательно безупречно справедливого общественного устройства?

Мои искренние сомнения, отдельные соображения критического и, бесспорно, весьма дискуссионного характера ни коим образом не влияют на высокую оценку анализируемой статьи. Я не только рекомендую ее всем интересующимся философскими, этическими проблемами права, в частности, уголовного права, но и приглашаю ученых и практиков к обсуждению поставленных в ней вопросов, к тому, чтобы высказывать свои суждения на страницах всевозможных научных изданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рагимов И.М., Савенков А.Н., Алиперов Х.Д. Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему // Государство и право. 2023. № 9. С. 112–125. EDN: MLRDFQ doi: 10.31857/S102694520027657-3
2. Мальцев В.Г. Месть и возмездие в древнем праве. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2012. EDN: SDQSOP
3. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2020. EDN: VDJNFN
4. Бочкарёв С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. Москва: Норма, 2019. EDN: NNDWUL
5. Антология мудрости / сост. В.Ю. Шойхер. Москва: Вече, 2007. EDN: QWSJSL
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. Ленинград: Наука, 1973.
7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Серия 1. Произведения. Т. 10. Москва: Художественная литература, 1938.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 13. Братья Карамазовы. Москва: ТЕППА, 1998.
9. Шестов Л.И. Сочинения в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1993.
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Романы. Повести. Москва: ТЕППА, 1997.

REFERENCES

1. Ragimov IM, Savenkov AN, Alikperov KhD. Etiology of individual criminal behavior: another look at the problem. *State and law*. 2023;(9):112–125. (In Russ.) EDN: MLRDFQ doi: 10.31857/S102694520027657-3
2. Maltsev VG. Revenge and retribution in ancient law. Moscow: Norma; INFRA-M; 2012. (In Russ.) EDN: SDQSOP
3. Alexandrov AI. Philosophy of evil and philosophy of crime (issues of philosophy of law, criminal policy and criminal procedure). Saint

Petersburg: Saint Petersburg State University; 2020. (In Russ.) EDN: VDJNFN

4. Bochkarev S.A. Philosophy of criminal law: formulation of the question. Moscow: Norma; 2019. (In Russ.) EDN: NNDWUL

5. Anthology of wisdom. Moscow: Veche; 2007. (In Russ.) EDN: QWSJSL

6. Dostoevsky FM. Collected works: in 30 volumes. Vol. 6. Crime and punishment. Leningrad: Nauka; 1973. (In Russ.)

7. Tolstoy LN. Collected works: in 90 volumes. Series 1. Works. Vol. 10. Moscow: Fiction; 1938. (In Russ.)

8. Dostoevsky FM. Collected works: in 20 volumes. Vol. 13. The brothers Karamazov. Moscow: TERRA, 1998. (In Russ.)

9. Shestov LI. Collected works: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1993. (In Russ.)

10. Pushkin AS. Collected works: in 10 volumes. Vol. 5. Novels. Stories. Moscow: TERRA; 1997. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Александр Джангирович Керимов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник;
eLibrary SPIN: 7041-9829; e-mail: 8017498@mail.ru

AUTHOR INFO

Alexander D. Kerimov, doctor of law, professor, chief researcher;
eLibrary SPIN: 7041-9829; e-mail: 8017498@mail.ru